

Абстракция деятельности в труд — это гомогенизация времени.

Одним из самых тонких и в то же время наиболее мощных элементов паутины, которую мы сплетаем для самих себя, является само время. Абстрактный труд производит абстрактное время, абстрактный труд производит часы.

Часы говорят о длительности, о гомогенизации времени. С точки зрения часов любая минута будет точно такой же, как и следующая. Стрелки идут по кругу, количественно определяя время, трактуя минуты счастья так же, как минуты отчаяния, проецируя прошлое в будущее. Для часов завтра будет точно таким же, как сегодня или вчера. Для часов единственная мыслимая революция — это та, что ведёт по кругу, ничего не меняя^[1].

Любая система господства зависит от длительности, от предположения, что только потому, что нечто существует в один момент, оно будет продолжать существовать и в следующий. Хозяин предполагает, что, поскольку он повелевал вчера, он будет продолжать повелевать и завтра. Рабыня мечтает об ином завтра, но часто находит его за воротами смерти, на небесах. Она предполагает, что в данном случае она ничего не может сделать, чтобы изменить ситуацию. Сила деятельности подчинена тому, что есть. Она рабыня сегодня — и завтра будет всё так же рабыней. И послезавтра. И послепослезавтра.

Мы оглядываемся вокруг. Мы видим политиков и капиталистов. Мы видим их большие здания, их полицию и их армии. Мы видим мир огромной сложности и коррупции. Мы знаем, что это несправедливо, насильственно, разрушительно, и мы хотим, чтобы это было иначе. Но мы предполагаем, что он всё ещё будет там завтра. И послезавтра. И послепослезавтра.

А часы тикают, говоря нам, что это так, что время — это жизнь завтрашних дней, всё время повторяющееся сегодня. Жизнь такова, вещи таковы, именно так обстоят дела. Для часов нет прошлого, которое отличалось бы от настоящего, и нет будущего, которое могло бы отличаться от настоящего. Часы говорят о вечном настоящем, но это настоящее совершенно пустое, потому что оно не содержит никакой возможности иного будущего. Во времени на часах нет никакой деятельности, только пустое бытие, только бесконечно повторяющееся *есть*.

Часы говорят нам о длительности, непрерывности, невозможности радикального изменения. Длительность просачивается в наши умы. Мы ожидаем, что всё будет по-прежнему. Мы знаем, может быть, что это неправда, что над нами нависают бедствия, над которыми мы не властны — война и террор, её отражение, "природные" и социальные катастрофы. Часы притупляют нас: притупляют нас перед опасностью катастрофы, но прежде всего притупляют нас перед возможностью того, что мы сами можем радикально изменить ситуацию.

Так было не всегда. Часы не правили вечно. До появления часов деятельность была центром времени, главным средством измерения времени. Это иногда называют ориентацией на

решение задач. Таким образом, Томпсон говорит нам, что

... на Мадагаскаре время может быть измерено "приготовлением риса" (около получаса) или "жаркой саранчи" (мгновение). Туземцы Кросс-Ривер говорили, что "человек умер меньше, чем за то время, в течение которого кукуруза ещё не полностью зажарилась" (менее пятнадцати минут) ... Оксфордский словарь английского языка дает нам примеры из английского языка «*pater noster wyle*» (время, чтобы прочесть «Отче наш» — прим. пер.), «*miserere whyle*» (время, чтобы прочесть 51-й Псалом — прим. пер.) (Oxford English Dictionary, 1450) и (присутствует в Новом словаре английского языка, но не в Оксфордском словаре английского языка) «*peeing while*» (буквально «время на пописать» — прим. пер.) — несколько произвольное измерение. (Thompson 1967: 58)

Время на деятельность (или ориентация на задачу) является преобладающей формой времени в обществах, в которых деятельность ещё не превратилась в труд: «сообщество, в котором ориентация на задачу является общей, по-видимому, демонстрирует наименьшую демаркацию между «работой» и «жизнью». Социальные отношения и труд перемешаны — рабочий день удлиняется или сокращается в зависимости от задачи — и нет большого противоречия между трудом и «течением времени». (там же: 60).

Появление часов сопровождается появлением абстракции деятельности в труд. Это долгий процесс, включающий в себя столетия борьбы. Распространение часов начиная с XIV века поначалу связано с распространением товарного обмена, с "временем купца", отличным от времени средневековой церкви^[2]. Данное распространение часов, и последующее распространение часов повышенной точности (минутные стрелки получили распространение только в XVIII веке) было тесно связано с введением трудовой дисциплины, сначала в деревне, а затем и на фабрике. Ориентация на задачу или на время на деятельность неадекватны, когда деятельность является деятельностью для кого-то иного, устоявшейся практикой. Когда деятельность становится трудом, когда деятельность становится внешней по отношению к деятелю и навязанной ему, тогда само время становится внешним и навязанным. Время больше не возникает из деятельности, оно должно быть навязано деятельности, чтобы гарантировать, что деятельность будет сделана. Часы — это средство, с помощью которого это достигается. Томпсон настаивает на том, что распространение часов — это не просто выражение потребности в синхронизации всё более усложняющихся времён, но одновременно и введение дисциплины: «Мы имеем дело одновременно с чувством времени в его технологической обусловленности и с измерением времени как средством трудовой эксплуатации» (Thompson 1967: 80).

Введение времени на часах давалось нелегко: потребовалась долгая борьба, включавшая не только установление дисциплины на работе и наказание за опоздание, но и постоянное утверждение моралистами и проповедниками добродетелей пунктуальности, а в довершение всего и привитие хороших привычек с раннего возраста — введение общественного образования. Врагом, которого нужно было победить, стала пустая трата времени, отказ признать срочность тиканья часов. Один священник XVIII века с ужасом замечает, что «Церкви и Улицы переполнены Множеством Зевак», глазающих на свадьбы и похороны, «которые,

несмотря на Несчастья своего Голодного Состояния ... не Стесняются тратить лучшие Часы Дня на созерцание ...» (Thompson 1967: 83). Однако Томпсон отмечает постепенное изменение в сопротивлении времени по мере того, как рабочие начинают организовываться против капитала: «Нападение с самых разных сторон на старые трудовые привычки людей, конечно, не было безальтернативным. На первом этапе мы находим простое сопротивление. Но на следующем этапе, когда введена новая дисциплина, рабочие начинают бороться не против времени, а с ним вместе» (там же, 85). Другими словами, рабочие начинают бороться за более короткий рабочий день, а не за право тратить свое время на созерцание или измерять свой день просто в терминах того, что они хотят делать. Это, несомненно, рождение борьбы абстрактного труда: происходит принятие форм и ритмов труда внутри фабрики или иного рабочего места. Борьба с капиталом продолжается, но она идёт в рамках основных правил, установленных капиталом. Томпсон заключает:

Первое поколение фабричных рабочих училось у своих хозяев важности времени; второе поколение формировало свои комитеты по сокращению рабочего дня до десяти часов; третье поколение бастовало ради сверхурочных или стимулирующих выплат за работу в выходные. Они приняли категории своих нанимателей и научились бороться внутри них. Они слишком хорошо усвоили урок, что время — деньги. (там же: 86)^[3]

Новое время — это время отчуждённого, абстрактного труда. Абстрактное время неотделимо от абстрактного труда. При сравнении различных товаров на рынке между ними устанавливается количественное отношение (меновая стоимость товаров), которое определяется общественно необходимым рабочим временем, необходимым для производства товаров. Говорить об абстрагировании деятельности в труд — значит обязательно говорить об абстрагировании времени на деятельность во внешнее, де-субъектифицированное, общественно необходимое рабочее время. Правило общественно необходимого рабочего времени неизбежно есть правило времени вне нас, абстрагированного от качества нашей деятельности. Когда мы говорим, что абстрактный труд сплетает капиталистическое общество, мы утверждаем, что абстрактное время на часах является существенной и неизбежной частью этого плетения^[4].

Это время длительности, отделение времени от нашей деятельности. Часы представляют собой не только трудовую дисциплину, не только пунктуальность, но и целый образ жизни и понимания мира. Время на часах, время длительности, есть время отделения субъекта от объекта, конституирования от существования, деятельности от сделанного. Мы создаём нечто, и то, что мы создаём, отделяется от нас. Оно обретает новое существование, в котором наше конституирование или создание вещи отрицаются, а наше время на деятельность стирается. Мы делаем кресло с любовью и преданностью, и вот кресло выставлено, как товар, который нужно продать, наша любовная креативность забыта, время, которое мы потратили на создание кресла, уничтожено в его цене. Время конституции забыто, время существования берёт верх: креслу два года, десять лет, сто лет. Это время существования-отделённого-от-конституции, время вещей, и для него сегодняшний день — тот же самый, что и предыдущий, или следующий. Кресло не творит, не влюбляется, не беснуется и не кричит. Время кресла — это время на часах, время вещи, время объекта. Время вещи есть отрицание времени личности,

время объекта есть отрицание времени субъекта. Время на часах — это время нашей беспомощности, нашего подчинения вещам. Это время не жизни, а выживания, время, которое тащится изо дня в день, время тупости.

Время на часах — это время, в котором мы живем. Мы живём и действуем в пределах времени: «От тика до така время на часах измеряет человеческую активность независимо от конкретного содержания. Во времени на часах затраты труда не происходят за время. Они происходят внутри времени» (Bonfeld 2010). Время обрамляет нашу жизнь, мы не властны над этими рамками. Если нам повезет, мы проживём восемьдесят или даже девяносто лет — такой нам отмерян жизненный срок. Это время идентификации. Время, отделённое от деятельности, состоит из идентичных единиц, единиц тождества: автономных единиц, отделённых друг от друга, единиц, в которых мы содержитсяся^[5].

Время на часах — это время институционализации. Институционализация является продолжением отделения существования от конституции. Мы создаём нечто, и оно обретает независимое от нас существование, собственную «жизнь». Мы создаём политическую партию, и партия продолжает существовать, утверждая, что она представляет нас, что она всё ещё имеет к нам такое же отношение, как и в момент своего создания. Мы создаём государство, и государство существует независимо от нас, со своим временем, историей, памятью. Мы вступаем в брак, и наши любовные отношения обретают своё собственное существование, отдельное от сиюминутных чувств, обретают темпоральность, измеряемую юбилеями, а не секундами бесконечной хрупкости. Тюрьма — это высшее проявление отделения времени от смысла: заключённые просто "отбывают срок". Время, которое они "отбывают", полностью находится вне их контроля.

Время на часах — это время мира, который мы не контролируем, мира, который не реагирует на наши страсти и нашу энергичность. Это время-вне-нас. Это историческое время, но это время истории-вне-нас, истории мира, который нам чужд. Это реальная история, реальная история мира, который мы действительно не контролируем: история, измеряемая годами, история последовательных структур, история, разделённая на периоды, имеющие начало и конец, история с чётким разделением между прошлым, настоящим и будущим. Это время Прогресса, время, которое движется вперёд по заранее определённым путям. Это реальное время, это реальная история, но это не наше время и не наша история^[6].

Это время отсроченного удовлетворения^[7]. Часы говорят нам, что сейчас не время стоять на улице и созерцать. Если мы будем усердно трудиться в часы работы, то, возможно, после этого мы сможем позволить себе удовольствие созерцания. А пока мы должны пожертвовать своими желаниями^[8]. Пожертвуй сейчас, наслаждайся потом. Но часы — это прежде всего время жертвоприношения, отмеренного труда, труда, который не может быть приятным просто потому, что он измеряется часами. Отложенное удовлетворение находится за пределами часов, над радугой, это пирог, которым угостят в раю. Это время Будущей Революции: логическая нелепость, потому что она основана на абстрактном времени абстрактного труда.

1. Как говорит Лукач: «время теряет свою качественную, изменчивую, текучую природу; оно застывает в точно ограниченном, поддающемся количественной оценке континууме, заполненном поддающимися количественной оценке «вещами» (овеществлённой, механически объективированной «работой» рабочего, полностью отделённой от его целостной человеческой личности): короче говоря, оно становится пространством» (Lukács 1923/1988: 90). Об ограничении времени см. также Tischler (2005b). [↗](#)
2. См. Thompson (1967: 56). [↗](#)
3. По вопросу об абстрактном труде и времени см. также Bonefeld (2010) и Postone (1996). [↗](#)
4. Об этом также см. Bonefeld (2010) и Postone (1996). [↗](#)
5. См. Debord (1967/1995: 110): «Время производства, время-как-товар, есть бесконечное накопление эквивалентных интервалов. Это необратимое время, сделанное абстрактным: каждый отрезок должен продемонстрировать с помощью часов своё чисто количественное равенство со всеми другими отрезками. Это время не проявляет в своей действительной реальности ничего, кроме своей *взаимозаменяемости*. Согласно закону времени-как-товара «время — всё, человек — ничто; он, самое большее, только воплощение времени» (*Нищета философии*). Это девальвация времени — полная инверсия времени как «сферы человеческого развития». [↗](#)
6. О другом способе написания истории см. недавнюю книгу Серхио Тишлера о борьбе в Гватемале: Tischler (2009b). [↗](#)
7. Об отсрочке удовлетворения и подавлении коллективной радости см. Ehrenreich (2007: особенно 100). [↗](#)
8. О фатальных последствиях традиции *жертвоприношения* для антикапиталистической борьбы см. Vaneigem (1967/1994: гл. 12). [↗](#)